

вираженим наочним значенням, а потім категорії, в яких це наочне значення виражене все слабше [10, с. 57]». В цілому склад універсальних слов'янських сугестивних текстів відрізняється від граматичного складу текстів технічної і художньої літератури меншою кількістю іменників і великою – дієслів, що підтверджує гіпотезу Б. Ф. Поршнева про особливу сугестивну роль дієслова.

Слід вказати на специфічність репрезентації прикметника. Прикметникові ключові слова-символи представлені виключно на позначення кольорів: *червоний, білий, золотий, синій, чорний* і належать до розряду якісних прикметників, проте ступені порівняння не утворюють. До того ж їх семантичне значення кольору не обов'язково відповідає реальному стану речей відносно того предмета (явища, істоти), який вони характеризують:

Було собі красне море. Їхав чоловік красним возом, красними волами, красні колеса, красне ярмо, красне вія, красні притики [12, с. 62]...

Така закономірність свідчить про домінуюче архитипічне символічне значення самого кольору як такого, ніж дійсна кольорова приналежність предмета. Іноді таким чином відбувається описово-символічна деталізація, конкретизація самого позначуваного предмета або явища. Наприклад, в цитованому замовлянні «на кров» несумісне з точки зору їх реальної семантики поєднання *красне море* розкриває наступне: по-перше, тут море – це символ Всесвіту, до того ж його центру, по-друге, червоний колір – найперший кольоровий символ у людській культурі, генеалогічно є кольором крові (яка в даному тексті і замовляється!), є одним з чотирьох найбільш священних кольорів, колір верховенства та магичності. Отже, магичний персонаж виходить з центру Всесвіту з чітко визначеною ціллю зупинити кров і наділений предметами забарвленими у червоний колір, що вказує на його магичну локалізацію, здібності та мету появи у нашому світі.

О. О. Леонтьєв вважав, що найрозповсюдженішим і найефективнішим засобом зміни «смыслового поля реципієнта» є використання значенневих модуляцій, і «ми підбираємо слова та словосполучення й організуємо їх у висловлення на різних рівнях так, щоб у сприйнятті мовлення реципієнтом було здійснене – більш чи менш опосередковано – бажане зрушення в його смысловому полі» [6, с. 75]. У такому разі набуває ваги виявлення специфічних семантичних інтегрантів – сем, наявність та комбінаторна орієнтованість яких у смысловій структурі слова може зумовити його прогнозоване сприйняття.

В тваринній символіці замовлянь розрізняються тварини як об'єкти замовлянь і тварини як суб'єкти замовлянь. В досліджуваних нами текстах наявна друга група і передусім дикі тварини. Вона досить замкнена, піддається підрахунку, а кожен з її членів передусім символічний, і лише в другу чергу – більш-менш реалістично описаний: *кінь, корова, вівця, півень, орел*. Вони самі включені в космос замовлянь, вони «там», а не «тут», хоч «звідти» впливають саме «сюди».

Рослини в світі замовлянь поділяються не за звичиними для нас класифікаційними принципами, а за протиставленням: тим магичніші, чим більш архаїчні як символи, і тим багатозначніші, чим магичніші; «дикі» магичніші від окультурених. Найбільш дієві й впливові тяжіють до того, щоб через конкретний вид (*дуб, розга, лоза, явір*) позначати «світове дерево» – сама назва у текстах не фігурує, але ідентифікується за топонімікою та аксесурами. Констатоване і явище персоніфікації рослин.

З неоднорідності і нелінійності чисел у міфі, ритуалі, магії прямо впливає різна насиченість їх символікою. В цілому тут простежується лише один критерій: чим менше число, тим символічніше, і символіка ця багатозначніша. Числа *один, два, три, чотири* символічні всі без винятку. Їхня символічність багатопланова і складна. Числа вищі від чотирьох символічні або не всі, або принаймні дуже неоднаково за інтенсивністю (*п'ять, сім, дев'ять*). Світ чисел у замовляннях – це світ якісних, а не кількісних характеристик осіб і предметів. Будь-яке додавання (множення) трактується як наростання буттєвої реальності, повноцінності й навпаки: будь-яке скорочення (ділення) інтерпретується як убування буттєвості.

Джерела та література

1. Ви, зорі-зориці. Українська народна магична поезія (Замовляння). К.: Дніпро, 1992. – 327 с.
2. Елизаренкова Т. Я. Исследования по диахронической фонологии индоарийских языков. – М.: Наука, 1974. – 293 с.
3. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. – 160 с.
4. Журавлёв А. П. Фонетическое значение. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. – 159 с.
5. Левіцький В. В. Семантика и фонетика. – Чернівці: Інфо, 1973. – 103 с.
6. Леонтьев А. А. Психология общения. – М.: Смысл, 1999. – 365 с.
7. Налимов В. В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. – М.: Прометей, 1989. – 287 с.
8. Панкратов В. Н. Психотехнология управления людьми: Практическое руководство. – М.: Изд-во Института психотерапии, 2001. – 336 с.
9. Черепанова И. Ю. Дом колдуньи. Суггестивная лингвистика. – СПб.: КПС+, 1996. – 416 с.
10. Черепанова И. Ю. Заговор народа: Как создать сильный политический текст. – М.: КСП+, 2002. – 460 с.
11. Тасмна сила слова. – К.: Дніпро, 1992. – 67 с.
12. Українські замовляння. – К.: Дніпро, 1993. – 305 с.

Токмеджи Р. Я.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СУФФИКСАЛЬНЫХ ФОРМ ОЦЕНКИ НАРЕЧИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Постановка проблеми. С давних времен наречие как часть речи привлекало внимание исследователей. Следует отметить, что до сих пор ни один класс слов в русском языке не вызывал столь противоречивых взглядов и точек зрения как наречие. В лингвистической литературе нет единодушного мнения о границах наречия, его статусе, путях и способах пополнения этого лексико-грамматического класса слов, о семантике и функционировании наречий. Тщательное исследование наречия как части речи началось в советский период

развития отечественного языкознания. В настоящее время основные дискуссионные вопросы, связанные с наречием, решены, определены также важнейшие направления и методы его дальнейшего изучения. «Именно русской и советской науке о языке, – пишет А. В. Исаченко, – бесспорно принадлежит приоритет в углубленной разработке категорий наречия» [1, с. 314].

С именами академика В. В. Виноградова и профессора Е. М. Галкиной-Федорук связана подробная разработка наречия как части речи, которая была начата в 30-40-е годы нашего столетия. В 1938 году выходит в свет крупнейшая работа В. В. Виноградова «Русский язык» (вып. II), одна из глав которой посвящена наречию.

В 1939 году появляется первое специальное исследование по наречию – книга Е. М. Галкиной-Федорук «Наречие в современном русском литературном языке». Впоследствии, ею же были написаны разделы, посвященные наречию, в «Грамматике русского языка», в книге «Современный русский язык» (изд. МГУ, 1952, с. 362-394), а также специальные статьи о наречии в журнале «Русский язык в школе» [2]. Работы В. В. Виноградова и Е. М. Галкиной-Федорук опираясь на лингвистическое наследие, впервые дают системное описание наречия, как части речи.

Наречие как часть речи определяется совокупностью морфологических, синтаксических, семантических и словообразовательных признаков: «Наречие – это несклоняемые, неспрягаемые и несогласуемые слова, примыкающие к глаголу, к категории состояния, к именам существительным, прилагательным и производным от них... и выступающие в синтаксической функции качественного определения или обстоятельственного отношения» [3, с. 606].

В результате такого подхода к изучению наречия оно перестает быть «свалочным местом», по меткому выражению А. М. Пешковского, т.е. такой частью речи, куда зачислялись без разбора все неизменяемые слова (отдельные типы частиц, предлогов и др.).

Значительное место в «Грамматике русского языка» АН СССР (1952) и в «Грамматике современного русского литературного языка» АН СССР (1970) отводится вопросу об образовании наречий. «Причем, – пишет М. Ф. Скорнякова, – нетрудно заметить разницу в подходе к классификации наречий со словообразовательной точки зрения в этих трудах: если в первом случае мы видим освещение этого вопроса в диахроническом аспекте, то во втором – с позиции синхронии» [4, с. 6].

Наблюдения над субъективно-оценочными образованиями в области наречий позволяет выявить специфику морфем с эмоционально-оценочным экспрессивным значением и особое положение наречных показателей в системе русского слова и формообразования. В «Грамматике русского языка» субъективно-оценочные и экспрессивные наречия рассматриваются при характеристике качественных прилагательных, и вопрос об их образовании особо не ставится, указываются лишь суффиксы этих наречий: -оньк-о (-епьк-о) с оттенком усилительности, -онечк-о (-енечк-о), -охоньк-о (-ехоньк-о) -ешеньк-о с оттенком ласкательности, -к-о, -ечк-о -оват-о (-еват-о) с общим значением ослабленности признака. Своёобразно и более полно этот вопрос освещен в «Грамматике современного русского литературного языка» [5]: особо выделены образования с суффиксами -ком, -кой, -ку, -ко (рядом, сторонкой, вдогонку, хорошенько); отмечено, что в процессе образования эмоционально-оценочных и экспрессивных наречий отсекаются финалы, равные суффиксам мотивирующих наречий: -о, -ом, -ой, -у, -о (последнее в наречиях с ударным суффиксом -енько).

В. В. Виноградов также отмечал формы субъективной оценки у качественных и предметно-обстоятельственных наречий. Он выделяет суффиксы -оньк-/-еньк-, -онечк-/-енечк-, -охоньк-/-ехоньк-/-ешеньк- в формах оценки качественных наречий на -о. Что же касается предметно-обстоятельственных наречий типа бок, рядом, рядом, порожняком, босиком, втихомолку, вмятку, вразвалку, то В. В. Виноградов пишет: «Категория субъективной оценки... ограничена уменьшительно-ласкательными формами» [6, с. 278-279].

Как формы оценки рассматривает такие наречия и А. Н. Гвоздев [7, с. 380]. А. Н. Тихонов, касаясь проблемы внутринаречного словообразования, отмечает, что при помощи суффиксов в основном образуются формы оценки наречий [8, с. 1-24].

Образование форм оценки наречий охватывает довольно большой круг наречий, на базе которых в современном русском языке создаются слова, относящиеся к разным словообразовательным типам. Строение таких слов настоятельно *требует*, чтобы их производящая основа целиком входила в структуру производного слова. Это отражается в особенностях образования суффиксальных форм оценки наречий, которые создаются особым «вставочным» способом, характерным только для этой группы слов в современном русском языке. Например: ряд-ом – ряд-к-ом, босик-ом – босич-к-ом, вечер-ом – вечер-к-ом, пешк-ом – пешоч-к-ом, шаг-ом – шаж-к-ом, бедн-о – бедн-еньк-о, высок-о – высок-оньк-о, давн-о – давн-еньк-о, легк-о – лег-оньк-о, груб-о – груб-оват-о, бел-о – бел-ехоньк-о, ран-о – ран-шеньк-о, тих-о – тих-оньк-о, хорош-о – хорош-оньк-о и т. п.

В приведенных выше примерах можно было бы признать и усечение наречного суффикса в производящем слове, как это делает В. В. Лопатин, полагая, что в структуре мотивированных наречий типа рядом – рядком, украдкой – украдочкой, плохо – плоховато, вразвалку – вразвалочку и др. «конечный элемент равен отсекаемой финалы мотивирующего наречия: в первой группе это элемент -ом, во второй – -ой, в третьей – -у, в четвертой – -о» [9, с. 232]. Между тем В. В. Лопатин не отрицает и вставочный способ образования рассматриваемых наречий, считая, что вполне «возможно допустить, что финаль (-ом, -ем, -у или -о) в мотивирующем наречии не отсекается, а суффикс, состоящий в этом случае из одной фонемы -к-, вставляется в мотивирующее наречие перед указанной финалью (вызывая перед собой определенные чередования)» [10, с. 233]. При этом В. В. Лопатин отмечает, что аналогичные решения возможны и при словообразовательной интерпретации остальных типов оценочных форм наречий.

Аналогичной точки зрения в отношении образования форм наречий придерживается и Е. А. Земская. Такой же подход в описании данного типа наречий представлен и в «Грамматике современного русского литературного языка».

Касаясь проблемы внутринаречного словообразования. А. Н. Тихонов пишет, что «признавать усечение суффикса в примерах типа слаб(о) – слаб-енько или слаб-овато, как это делает В. В. Лопатин, мешает одно немаловажное обстоятельство. Дело в том, что во всех случаях образования форм оценки наречий в производном слове оказывается тот же самый элемент, который был в производящем. Ср.: украдж-ой и украдоch-к-ой, сторон-ой и сторон-к-ой, вечер-ом и вечер-к-ом, потихоньк-у и потихонеч-к-у и т. п. [11, с. 92-93].

Это дает повод сомневаться в целесообразности признавать здесь усечение суффикса, который тут же восстанавливается в процессе создания слова: сначала отсекается, а потом опять присоединяется к производящей основе вместе со словообразующим суффиксом. Все это противоречит принципу экономии в словопроизводстве. «Признание усечения отсюда ведет и к признанию «странных» суффиксов, как -кой вместо -к-ой (в слове сторон-кой), -овато вместо -оват-о (слабовато), -ку вместо -к-у (потихонеч-ку), -онько вместо -оньк-о (тих-онько) [12, с. 93]. Пришлось бы считать, что в подобных словах к производящей основе наречий суффиксы присоединяются целыми группами. В этом случае нарушался бы закон последовательного присоединения суффиксов к производящей основе в процессе словопроизводства.

Таким образом, признание вставочного способа образования форм оценки наречий, естественно, снимает все трудности такого характера. Отсюда наречия типа шаж-к-ом, потихонеч-к-у, сторон-к-ой, легонеч-к-о, мал-еньк-о, дик-оват-о, жалобн-ехоньк-о и т. п. созданы путем вставки суффиксов нк-, -оньк-/-еньк-, -оват-/-еват-, -охоньк-/-ощеньк- внутрь производящих: шаг...ом, сторон...ой, дик...о, мал...о, жалобн...о, бел...о, вразвалк...у, легоньк...о.

Формы оценки наречий не изучены ни в лексико-самантическом, ни в словообразовательном, ни в лексикографическом аспекте. Как правило, составители словарей не уделяют им должного внимания. Так, в словаре Ожегова не даются «наречия на -о, -е, -ски, -ьи, -ому (с приставкой по-), легко образуемые от прилагательных, например быстро, ухарски, по-новому» [13, с. 11]. Такое же положение наблюдается и в других словарях современного русского языка. Редкость их в словарях объясняется, по мнению составителей, «легкостью» образования и понимания. Однако Т. А. Боброва убедительно показала, что легкость образования наречий – явление кажущееся. Она пишет: «Отмечаемая Ожеговым «легкость» образования наречий на -и, равно как к других, между тем не обозначает абсолютную способность каждого прилагательного создавать такие наречия... Как и всякое другое слово, наречия образуются не неизбежно, а лишь тогда, когда это нужно носителю языка по тем или иным причинам» [14, с. 80].

Вряд ли поэтому можно согласиться с О. П. Ермаковой, утверждающей, что «качественные наречия существуют в языке не как реальный, количественно определенный состав слов, а скорее как возможность образования. С момента появления нового качественного прилагательного рождение наречия от него становится неизбежным. Как нам кажется, ее вывод в том, что «от любого качественного прилагательного всегда можно образовать наречие на -о со значением одного и того же типа», является ошибочным [15, с. 47-48].

Здесь более приемлемым представляется вывод Е. М. Галкиной-Федорук, о котором говорилось выше, сделанный ею в результате исследования ограничений в процессе образования качественных наречий. Она правомерно отмечает, что качественные наречия не образуются от прилагательных, в которых значение качества несет признак «ущербности», неполноты; явный «запрет» лежит и на возможности образования качественных наречий от прилагательных, не имеющих отношения к действию предмета [16, с. 48].

В языке постоянно приходится сталкиваться с целым рядом запретов и ограничений, самых различных по своему характеру и причинам. В связи с этим теоретически как будто бы вполне возможное и «легко образуемое» слово практически в языковой действительности отсутствует. Здесь ни в коем случае нельзя отождествлять теоретические словообразовательные возможности с их физической реализацией. Понятие «легкости образования» оказывается лингвистически и лексикографически совершенно несостоятельным.

Более последовательно и полно наречия представлены в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка». Говоря же о формах оценки наречий, следует отметить, что они в словнике словаря представлены единицами или небольшими группами. А между тем это далеко не весь наречный материал русского литературного языка, поскольку отсутствует довольно обширный запас лексических единиц, приведенных в качестве иллюстративного материала в научных исследованиях, в художественной литературе, народно-поэтическом творчестве и устной речи. Все это затрудняет составление полного списка форм оценки наречий. В настоящее время невозможно привести о них точные количественные данные.

Выводы. Таким образом, наречие как неизменяемая часть речи составляет специфическую базу современного русского словообразования. Словообразовательные возможности наречий часто ограничены их структурой и подчинены определенным закономерностям. Однако наречия преодолевают формальные трудности и в целом достаточно активно участвуют в процессе современного русского словообразования.

Суффиксальное отнаречное словообразование находится в прямой зависимости от фонетической структуры производящих наречий.

Одним из путей образования суффиксальных оценочных наречий является вставочный способ. При вставочном словообразовании суффикс субъективной оценки не присоединяется к производящей основе как обычно, а вставляется внутрь ее перед наречным суффиксом.

Таким образом, мотивирующее наречие как бы «разрывается» с тем, чтобы облегчить присоединение суффикса, который уже прикрепляется к согласному основы, вызывая перед собой обычные чередования согласных. Вставочный способ суффиксального словообразования наблюдается только при отнаречном словообразовании и обусловлен своеобразием наречия как неизменяемой части речи, спецификой его фонетической структуры.

Литература

1. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка // Братислава.
2. См. // Отграничение наречий от других частей речи. – 1939. – № 1; Наречие в предложении. – 1941. – № 2.

3. Виноградов В. В. Русский язык. – М.-Л., 1947. – С. 340.
4. Скорнякова М. Ф. Наречие в словообразовательной системе языка // Слово в системных отношениях. – Свердловск, 1975. – С. 6.
5. Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970.
6. Виноградов В. В. Русский язык. – М., 1972. – С. 278-279.
7. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. – М., 1958. – М. 1. – С. 380.
8. Тихонов А. Н. Образование наречий в синхронном освещении // Труды СамПИ им. С. Айни. – Новая серия. – Вып. 170. – Самарканд, 1979. – С. 1-24.
9. Лопатин В. В. О структуре суффиксальных оценочных наречий // Развитие современного русского языка. Словообразование и членность слова. – М., 1975. – С. 232.
10. Лопатин В. В. Там же. – С. 233
11. Тихонов А. Н., Лагутова Е. Н. Множественность словообразовательной структуры наречий. – РЯШ, 1978. – № 6. – С. 92-93.
12. Тихонов А. Н., Лагутова Е. Н. Там же. – С. 93.
13. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1972. – С. 11.
14. Боброва Т. А. Наречия на «-ски» в русском языке. – РЯШ, 1980. – № 4-С.ХО.
15. Ермакова О. П. О некоторых общих вопросах словообразования наречий // Развитие словообразования современного русского языка. – М., 1966. – С.47-48
16. Галкина-Федорук Е. М. Наречия в современном русском языке. – М., 1939. – С. 48.

Толутанова Ю. Н.

САТИРА В ПУБЛИЦИСТИКЕ. СПЕЦИФИКА И ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФЕЛЬЕТОНА КАК ПРЕДМЕТ МНОГОЧИСЛЕННЫХ СПОРОВ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

О сатире существует много исследований, но до сих пор среди ученых нет единого мнения о том, что такое сатира: род, жанр или особый принцип изображения действительности. Фельетон как жанр сатирической публицистики тоже всегда являлся предметом многочисленных споров. Цель статьи – разобраться в характере этих споров, что представляется важным и значимым. Фельетон, к сожалению, – жанр исчезающий. Возможно, одной из причин является отсутствие четких представлений о том, что же такое фельетон и каковы его жанровые особенности, а также невнимание современных исследователей к теории жанра, отсутствие критериев разграничения фельетона как публицистического жанра и сатирического рассказа как жанра художественного. В результате под рубрикой «Фельетон» в современных периодических изданиях зачастую публикуются юмористические или, в лучшем случае, сатирические рассказы и миниатюры. Задача настоящей статьи – анализ точек зрения ученых и публицистов, которых можно назвать корифеями фельетона, формулировка рекомендаций по разграничению сатирических жанров.

Сатира – это одна из форм комического, а комическое нельзя отождествлять со смешным. Как справедливо отмечает **Б. Дземидок**, «...сатира, представляющая собой одну из важнейших форм комического, не всегда смешна. Зачастую она вызывает не смех, а отвращение, негодование, презрение, гнев» [1].

Сатира не однородна. В зависимости от эмоциональной окраски ее можно подразделить на гневную, мрачную и оптимистическую, но это деление условно.

Сатиру можно классифицировать не только по эмоциональной окраске. В зависимости от частоты использования различных художественно-изобразительных средств сатира может быть ориентирована на достоверность и условность (в художественном смысле). На этом основании **Б. Дземидок** выделяет сатиру гротескного характера и реалистическую [2].

Многие исследователи, посвятившие свои труды теории сатиры, почти не уделяли внимания *сатирической публицистике*. Видимо, ученым кажется, что художественная и публицистическая сатира символизируют разные степени зрелости культуры. В современной науке существует и другая тенденция – рассматривать произведения сатирической публицистики как одноплановые, где мысли сосредоточены только на одном предмете.

У сатирической публицистики своя специфика. Прежде всего, она стремится к конкретности, как справедливо отмечает **Я. Р. Симкин** [3]. Публицист пишет фельетон или памфлет, опираясь на конкретные факты, причем его выступление должно быть оперативным. Фактическая точность не должна подменять образность, чтобы сатирическое публицистическое произведение не воспринималось как протокол. **Я. Р. Симкин** отмечает, что некоторые исследователи не признают за сатирической публицистикой права на комическое и объясняют это тем, что комическое может подорвать доверие к достоверности фактов. **Я. Р. Симкин** возражает: «...комическое оказывает влияние на восприятие документа, но не настолько, чтобы его деформировать» [4].

Художественно-изобразительные средства, используемые в сатирической публицистике, часто аналогичны таковым в художественной сатире: это ирония, гротеск, гиперболизация, аллегория и проч. По мнению **Я. Р. Симкина**, «...гротескный образ придает публицистической сатире полемическую остроту... Иногда сатирический образ может и не быть гротескным, но в какой-то момент в нем появляются черты гротескного стиля» [5]. Ирония, которой пользуется сатирик-публицист, создает повод для полемики. В отличие от художественной сатиры, в которой ирония может заключать в себе весь смысл произведения, в публицистической сатире она всего лишь инструмент, один из многих.

Как и вся публицистика в целом, публицистическая сатира делает акцент на злободневности. **Я. Р. Симкин** пишет: «...конкретные поводы обращения журналиста к тем или иным событиям... непосредственно связаны с современными проблемами развития общества. В силу этого публицистическая сатира не может оказывать длительного и устойчивого влияния на общество. Ее значимость можно определить лишь в связи с конкретной социальной ситуацией...» [6]. На наш взгляд, **Я. Р. Симкин** забывает разграничить понятия «конкретность» и «типичность». Одно вовсе не исключает другого. Безусловно, факты, о которых мы читаем у советских фельетонистов, имели место в прошлом, но эти факты обобщаются и типизируются. К сожалению, бюрократизм, бесхозяйственность и прочие социальные уродства никуда не делись, хотя и поменялся государственный строй. В связи с этим фельетоны лучших советских публицистов так же актуальны, как и прежде.